

2. Маргинальность как предмет дискуссий (вариации на тему критики)

Первоначальные обсуждения замысла настоящей книги носили характер довольно бурных дискуссий. Чтобы дать о них представление, нам показалось небезынтесным привести одно из наиболее критических выступлений на первом же обсуждении и варианты рассуждений-ответов, которые оно спровоцировало. Они представляют собой образцы «теоретических метаний» их авторов.

2.1. «Маргинальность» как категория социологического анализа⁹⁵

Я представляю здесь некоторые размышления «ползучего эмпирика» по поводу эвристичности и объясняющей силы понятия «маргинальность».

Необходимо заметить, что прежде в своей практике я не использовала эту категорию анализа. При том при всем, что практически все, кого я исследовала, так или иначе могут быть названы маргиналами: уволенные из армии военные; экономические «челночные» мигранты, торгующие на рынке; этнические меньшинства; контрабандисты; проститутки и т.д.⁹⁶ Более того, сейчас я занимаюсь проектом почти буквально связанным с темой: исследую людей *ad marginum*, живущих на окраине – на границе России с Эстонией и Финляндией. Тем не менее эта категория анализа оставалась как-то за пределами моего внимания, не была функциональна для исследований, не помогала объяснить социальное поведение людей.

Для того чтобы сориентироваться в теме, я обратилась к словарям, энциклопедиям и справочникам. Меня удивило то, что в свежих социологических *handbook*-ах (и англо-, и германоязычных) вообще не встречается понятие «маргинальность». Его нет ни в американском *Handbook of Sociology*, ed. by N.Smelser (1988), ни в английском *Dictionary of Sociology*, ed. by N.Abercrombie, S.Hill, B.Turner (1994), ни в немецком *Woerterbuch der Soziologie*, ed. by Karl-Heinz Hillmann (1997), *Companion Encyclopedia of Antropology*, ed. by T.Ingold (1998) и т.д. В этих изданиях в индексе ключевых слов «маргинальность» и ее производные встретились лишь два раза. Один раз в разделе «Политическая экономия», другой – в разделе «Здоровье». Понятно, что мой поиск был ограничен рамками нашей библиотеки⁹⁷. Встречались другие понятия, близкие по характеру и содержанию феномена, но имеющие несколько иной смысловой оттенок. В немецкой литературе это **периферийный человек**, а в англоязычной литературе это, прежде всего, **аутсайдер**.

Более того, в современной западной социологической литературе (я имею в виду не справочную или общетеоретическую литературу, а скорее связанную с конкретными социологическими исследованиями, в ча-

⁹⁵ Текст доклада О.Е. Бредниковой на семинаре «Маргинальность в современной России: общие тенденции, региональная специфика», г. Нижний Новгород, 17-20 апреля 1999 г.

⁹⁶ См.: *Brednikova Olga*. «Family» and «Collective» Memory. In: Victor Voronkov, Elena Zdravomyslova (ed.). *Biographical Perspectives on Post-Socialist Societies*. Collection of Articles. CISR. Working Papers, # 5. St. Petersburg, 1997; *Brednikova Olga*. «Eigentlich bin ich Russe, aber manchmal trotzdem auch Deutcher». Die deutsche Gemeinde in St. Petersburg. In: Ingrid Oswald, Victor Voronkov (Hg.). *Post-sovjetische Ethnizitean*. Berlin, 1997; *Brednikova Olga*. *Smuggled Ethnicity and «Other» Russians*. Construction of Identities in Post-Soviet Estonia. In: H. Eskelinen, I. Liikanen, J. Oksa (ed.). *Curtains of Iron and Gold*. Reconstructing Borders and Scales of Interaction. Aldershot, 1998; *Brednikova Olga, Chikadze Elena, Snisarenko Anatolih*. «Armenisches Leben» in St. Petersburg. Entstehung und Entwicklung einer armenischen Diaspora-Gemeinde. In: Ingrid Oswald, Victor Voronkov (Hg.) *Post-sovjetische Ethniziteaten*. Berlin, 1997; *Brednikova Olga, Karpenko Oksana*. Sozialstruturforschung (1995-1996). In: I. Oswald, R. Possekel, P. Stykow, J. Wielgohs (Hg.). *Sozialwissenschaft in Russland*. Deutsch-Russisches Monitoring. Bd. 2. Berlin, 1997; *Brednikova Olga, Voronkov Viktor*. Soziale Situation in Russland: zur soziologischen Diskussion. In: J. Franzke, S. Henke (Hg.). *Russland heute: Staat und Gesellschaft im Umbruch*. Potsdam, 1997; *Бредникова О., Карпенко О.* Российская социология об изменениях в социальной структуре (1990-1996) // Социальные исследования в России/Под ред. Я.Вильгоса, И.Освальд, Р.Поссекеля, П.Штыков. Берлин-Москва, 1998; *Бредникова О.* «Вообще-то я русский, но когда у нас в Питере бросают мимо мусор, я чувствую, что все-таки немец» // Конструирование этничности: этнические общины Санкт-Петербурга/Под ред. В.Воронкова, И.Освальд. СПб., 1998; *Бредникова О., Чикадзе Е.* Армяне Санкт-Петербурга: карьеры этничности // там же; *Бредникова О.* Процесс «обнищания» населения: обзор исследовательских подходов // Вісник Харківського державного університету. Соціологія дослідження сучасного суспільства: методологія, теорія, методи. № 393. Харків. 1997 и пр.

⁹⁷ Библиотека Центра независимых социальных исследований г. Санкт-Петербурга.

стности по мигрантам) я практически не встречала случаев, где бы использовалось понятие «маргинальность». Скорее активно эксплуатировались производные от слова: во-первых, в качестве определения при ключевом слове (**маргинальная** позиция, статус, ситуация и т.д.), характеризующее эту позицию или статус; или как действии (кто-то кого-то **маргинализует/маргинализирует**). Конечно, есть некоторая традиция словоупотребления, которая объясняет нам или отсылает к тому, что имеется в виду под «маргинальностью» – все мы понимаем, что маргинальная позиция – это позиция периферийная, далекая от центральной. Тем не менее «маргинальность» не как название (*называние*) социального феномена пограничности, а в качестве аналитической категории, объясняющей социальные действия людей, мне не встречалась.

Ситуация в отечественной социологической литературе, на мой взгляд, отягощена оценочным использованием понятия, его ангажированностью. Например, достаточно вспомнить статью Старикова в журнале «Рабочий класс и современный мир», № 4 за 1989 г. Полагаю, что когда говорят, что **все** в обществе маргиналы, то это высказывание перечеркивает его смысл и лишает основания для функциональности понятия. Более того, теперь за ним стоят однозначные отрицательные каннотации, и все знают, что маргинал – это плохо, что-то сродни девианту. Благодаря активной эксплуатации (по делу и без дела) понятие во многом дискредитировано, как, например, менталитет или архетип.

Конечно, нельзя говорить о каком-то анализе литературы, это скорее несистематические практические наблюдения. И ни в коем случае нельзя делать обобщения или какие-то выводы о том, что теория маргинальности уходит, неактуальна, неэвристична. Однако, на мой взгляд, она во многом потеряла свою объяснительную силу. И особенно это касается социологического осмысления трансформационных процессов, проходящих в России.

Некоторые предварительные замечания: во-первых, я как феноменолог, рассматривающий человека как деятельного субъекта, конструирующего собственный социальный мир, и я как «ползучий эмпирик», в своей исследовательской деятельности восходящий от конкретного к абстрактному, говорю прежде всего о маргинальном человеке, а не о маргинальности как о некотором социальном феномене. Во-вторых, условное деление теорий маргинальности на культурную (человек на стыке двух культур) и структурную (окраинные социальные группы), приписываемых к американской и европейским традициям соответственно, мне кажется необоснованным. Это связано с тезисом, что сегодня культура, независимо от предполагаемой социологом социально-экономической матрицы, принимает на себя роль основного структурирующего объекта, и таким образом становится главным инструментом объяснения текущих социальных трансформаций.

Последние исследования социальной структуры (я в основном знакома с германской традицией, например: Стефан Радин «Стиль жизни между анализом социальной структуры и культурологией», исследования У. Маттисенна и Р. Швенка, но можно вспомнить и исследование П. Бурдьё о милё) демонстрируют несостоятельность, недостаточность анализа социальной структуры через привычную триаду: профессия-образование-доход. Дифференциация структурная во многом есть дифференциация культурная, в этом смысле структурная маргинальность есть маргинальность культурная.

Конечно, говоря о маргинальности, мы имеем в виду, прежде всего, пограничную ситуацию, момент и контекст перехода из одного качественного состояния в другое отдельного индивида или же сообщества. Феномен маргинальности означает существование некоторой социальной группы, которая **может быть структурирована** через условное соотношение **центр/окраина**.

Мне представляется очень иллюстративным примером прошлогодняя сенсация — фильм Петра Луцика «Окраина», в котором с весьма условной окраины («далекие» или «низшие слои») ходоки идут в Москву (идея центра, вершины пирамиды, сосредоточия власти) в поисках правды.

Итак, несколько тезисных соображений, почему маргинальность как категория социологического анализа малополезная в качестве объясняющей категории.

Во-первых, нестабильность общества, которая выражается в его быстрой переструктуризации, подвижности социальной структуры. Даже если рассматривать социальную структуру традиционно с точки зрения модернистского проекта (через иерархию неравенств, закрепленных институционально, через призму профессия-образование-доход), то мы наблюдаем ее быструю трансформацию, дифференциацию прежних социальных групп и создание новых, их плавающий (неустойчивый) социальный статус и, важнее всего, сильная дифференциация доходов с неустойчивой подвижной структурой. В этой ситуации для понятия «маргинальность» основным вопросом становится – с чем соотносить, что есть «центр/вершина» и что есть «периферия/основание»?

Во-вторых, маргиналам приписывается (т.е. в нашем определении они становятся маргиналами) разрыв прежних социальных связей и солидарностей, что должно бы вести к аномии. Но я как полевой исследователь этого не наблюдаю. Человек не может существовать вне социальных связей. Они не обрываются, они переструктурируются в соответствии с новой позицией человека в социальном пространстве.

В-третьих (и это наиболее важно!). Сегодня мы наблюдаем возникновение большого числа, плюрализацию жизненных стилей (работа Л. Ионина, 1996 г.), которые и формируют уже горизонтальную социальную структуру. Социальное неравенство остается, но депроблематизируется. Каждая жизненная форма и каждый культурный стиль руководствуется собственной классификацией, внутренней иерархией (пример с азербайджанцами, которые в связи с избранными жизненными стратегиями имеют собственную «концепцию карьеры», свои представления о норме «что такое хорошо и что такое плохо», свое внутригрупповое представление о

«центре» и «окраине» соответственно). А такие представления о неравенстве могут взаимно не транслироваться.

Кстати, маргинальность может стать «вредной» категорией в том смысле, что окраинные группы (признанные таковыми социологами) легитимируются как объекты социального контроля, социальной защиты.

Наши исследования могут не просто рождают артефакты, и через участие в общественной дискуссии, влиять на так называемое «общественное мнение» или, того хуже, становится основой социальной политики. Например, молодежь до сих пор считается социально незащищенной группой, в то время как намного успешнее всех прочих возрастных групп, ибо у нее больше прочих жизненных шансов и возможностей.

Однако, я полагаю, что понятию «маргинальность» возможно вернуть аналитическую ценность, договорившись о его содержании и строго определив рамки его применения. Понятно, что при культурной плюралистичности современного общества каждый человек включен в различные социальные миры, во взаимодействие с различными эталонными культурными системами. Маргинальным человек становится в ситуации одновременного и однопространственного существования в контексте противоречащих друг другу социокультурных требований. Я предлагаю рассматривать маргинальность не как окраинное положение группы или «перекресток» двух культур, но как культурную инерцию, преодоление среды, исследуя формирование новых правил жизни, ценностей и, соответственно, границ новых социальных групп.

2.2. Ответ 1. (Попытка директивы). О том, как можно заниматься социологией и как нужно использовать понятие "маргинальность"

Я попытаюсь систематизировать методологические представления исследователей, принимавших участие в обсуждении заявленной проблемы, и резюмировать некоторые консенсусные соображения относительно применимости понятия "маргинальности" в научном дискурсе. Первое, что следует отметить, термины "маргинальность" и "маргинал" представляют собой *концептуальные определения*. Концептуальные определения не соотносятся непосредственным образом с идентификацией наблюдаемых событий. Они нуждаются в операционализации с тем, чтобы через систему индикаторов и переменных исследователь мог диагностировать некоторую эмпирическую ситуацию и установить наличие и степень выраженности в ней изучаемого признака (в нашем случае – маргинальности).

В качестве теоретической категории это понятие было вызвано исследовательской практикой, которая нуждалась в сигнификации определенного явления, прежде не выделявшегося в качестве самостоятельного феномена в социальной жизни. Какие референции имеет понятие "маргинальность" в современной исследовательской практике, и в какой степени они трансформировались с момента, когда оно вошло в научный оборот? Мы можем выделить два ряда проблем, которыми характеризуется современное состояние концепции маргинальности и которые следует учитывать исследователям, работающим с этой категорией.

Первая часть проблем категории "маргинальность" связана как с нормами употребления этого термина в современном научном дискурсе, так и с неопределенностью места в ряду других близких понятий. Следует остановиться на нескольких моментах этого аспекта темы.

1. Понятие "маргинальность" возникло для обозначения ситуации культурного перехода, когда нарушаются связи индивида или группы с культурной средой, в которой проходила их социализация. Теория маргинальных общностей возникла в 20-х годах (Р.Парк) и была развита Э.Соунквистом в конце 30-х. Центральной темой теории была двойственность самосознания людей, оказавшихся культурного и статусного перехода.

Последующее развитие социальной мысли породило множество смежных теорий, разрабатывавших близкие проблемы на более мощном теоретико-методологическом фундаменте. К ним можно отнести, например, теорию социализации и идею "дисфункции", теорию социальной мобильности, теории социальной идентичности и относительной депривации, проблематику адаптации и социальных ресурсов и т.д. Таким образом, *смежные концепции оказались более удобными в работе, поскольку прорабатывали свое понятийное и проблемное пространство до уровня эмпирически верифицируемых терминов*.

2. Развитие отраслевых и проблемно ориентированных направлений в социологии, произошедшее в результате социального заказа на специализированное социальное знание, *вытеснило теорию маргинальности с занимаемой ею проблематики, не позволило ей расширить пространство своего влияния, оставив за ней только межэтническую проблематику*. Исследователи социальной миграции (при этом — не обязательно культурной), социальных движений и революций, субкультур и контркультур и т.д. использовали более адекватный своим задачам и более проработанный категориальный аппарат структурного функционализма, феноменологии, социальной психологии и других направлений.

3. Экстраполяция термина на ситуации неопределенности *вообще*, привела к тому, что *понятие "маргинальность" стало употребляться не в качестве научного термина, за которым стоит более или менее четко определенное смысловое пространство, а в качестве метафоры*. Такая метафора используется в странных словосочетаниях, например, "маргинальный статус". Понятие "статус" предполагает определенные и устойчивые социальные связи в рамках социальной системы⁹⁸, это позиция в обществе, определяемая рядом характе-

⁹⁸ Энциклопедический социологический словарь. Под. ред. Осипова Г.В. 1995. С.771.

ристик⁹⁹. Основная же предпосылка маргинальности – утрата связей, состояние неопределенности отношений с общностями или индивидуальными субъектами; находясь в обществе, маргиналы пребывают фактически вне социальных связей и процессов¹⁰⁰. Осмысленность употреблению терминов можно придать, во-первых, четким определением, и, во-вторых, осознанным словоупотреблением. Например, словосочетание "маргинальный статус" имеет смысл в том случае, когда мы описываем явление групповой стабильности: социальные взаимоотношения, роли и позиции, прежде интерпретируемые как неудовлетворительные, становятся нормой, воспринимаются "типичными", "модальными", "нормальными"; люди перестают воспринимать свое положение в качестве девиантного и у них пропадает желание активными действиями переопределить ситуацию в лучшую сторону.

4. Метафорическая традиция употребления понятия вызвало к жизни еще один эффект, уже идеологического свойства. Уже не в строго научном, а в общесоциальном дискурсе *термин стал оценочным ярлыком, которым маркировались все неблагополучные социальные группы, дабы подчеркнуть их проблемность для общества*. В результате такого подхода группы, обозначенные как маргинальные, выступают, с одной стороны, в качестве объекта социальной политики, а с другой стороны, как объект для социального дистанцирования и унижения.

По-видимому этот модус существования концепции "маргинальности" связан с установками на предпочтении социального нормативизма, неприятие девиаций разного рода, проявляющихся у значительных масс людей, и определение их в качестве общественных проблем. В маргиналистике есть предпосылки к такого рода интерпретациям: в маргинальной ситуации социальные связи и взаимоотношения теряют ценностную и мировоззренческую подпитку; человек оказывается в ситуации множественности норм социального поведения, но он не умеет или не знает, как и какие из них можно применять в его положении.

Вторая часть трудностей работы с категорией "маргинальность" связана с проблемами и условиями применения концепции в современном исследовательском контексте.

1. В условиях масштабных и динамичных социальных изменений многие социальные группы переживают изменение своего социального статуса, не всегда связанное с нисходящей мобильностью, но зачастую все равно болезненное и фрустрирующее. Кроме того, происходят и внутrigрупповые трансформации, группы становятся не столь однородными, как прежде, и разные ее слои могут демонстрировать принципиально различающуюся динамику. *В такой ситуации понятие "маргинальность" теряет свои идентификационные и дифференцирующие возможности, необходимые для проведения исследований*. Становится невозможным по традиционному набору признаков указать, какая группа состоит из "маргиналов", а какая — нет. По значениям одного признака становится трудно предсказать характеристики другого, также связанного с понятием "маргинальность". Например, человек имеет статус потерявшего работу, зарегистрирован как безработный, но из этого совершенно не следует, что его материальное положение резко ухудшилось. Просто, потеряв работу, он получил свободное время для самозанятого труда.

2. В период интенсивных социальных изменений в ситуации перехода оказываются значительные массы людей; практически для них для всех такое положение связано с кризисом, в том смысле, что альтернатива оказаться в аутсайдерах, в неудачниках становится как никогда реальной. Кризисность переходной ситуации проистекает из-за недостатка ресурсов (личностных, социальных, материальных) у той общности, группы или отдельного индивида, столкнувшихся с необходимостью адаптации к переменам. Их жизненная ситуация чрезвычайно подвижна; предвидеть будущую динамику индивидов и групп без подробного изучения довольно сложно. Кроме того, возникает проблема критерия оценки: чему отдавать предпочтения – показателям социального статуса или же субъективным определениям, интерпретациям и переживаниям относительно своей позиции? Таким образом, возникает проблема социальной локализации явления "маргинальности". *На мой взгляд, локализация маргинальных групп (выбор объекта исследования) происходит не в результате изучения признаков и соответствующих показателей, а в результате номинации – априорного обозначения тех или иных групп, как маргинальных*.

3. Понятие "маргинальность", судя по современной практике употребления, *оказывается несамостоятельным, оно используется в качестве предиката – логического сказуемого, указывающего на свойство некоторого объекта*. Исходная нечеткость понятия открывает возможности для терминологических экспериментов, дает простор фантазии и необоснованным экстраполяциям. В результате становится непонятным, что скрывается за термином "маргинальность" — состояние сознания, процесс социальной или групповой динамики, кризисное состояние социальной интеграции, и чем этот термин в том или ином случае отличается от близких по смыслу – "фрустрация", "дезинтеграция", "статусная рассогласованность", "нисходящая мобильность" и т.п.

Последнее, что хочется отметить после критического рассмотрения заявленной темы, связано с некоторыми позитивными предложениями. Существуют по крайней мере три крайние позиции в отношении категории "маргинальность".

⁹⁹ Зборовский Г.Е., Орлов Г.П. Социология. М., Интерпракс, 1995. С. 310.

¹⁰⁰ Там же. С. 234..

Первая: развитие социальной мысли в целом, социологии и социальной психологии превратило это понятие в научный артефакт.

Вторая: ограничить применение термина его исходной проблематикой, а именно, изучением проблем эмиграции, процессов культурной маргинальности (ситуация "на краю двух культур").

Третья: теория маргинальности и маргиналистика обладают достаточным эвристическим потенциалом для изучения трансформирующихся обществ, в частности — России.

Понятие "маргинальность" и связанные с ним производные употребляются в контексте рассуждений не просто о *переходном состоянии*, но о ситуации, в которой прослеживаются *кризисные тенденции*. Повидимому именно этим обусловлен повышенный интерес к концепции. Однозначного ответа относительно применимости и ее будущей судьбы дать невозможно, тем более невозможно придать ему директивный характер. Можно попытаться сформулировать некоторые пожелания и резюмировать изложенные выше соображения.

Во-первых, исследователю, работающему с этой категорией, необходимо представлять себе ее историографию. Это поможет ему операционализировать используемые понятия и употреблять их соответственно своим определениям, не подменяя содержания.¹⁰¹

Во-вторых, представляется целесообразным воздерживаться от интенсивного употребления терминов маргиналистика, заменяя их на синонимы и другие теоретические эквиваленты там, где это возможно. Это поможет определить место понятий в ряду других терминов.

В-третьих, при операционализации понятий необходимо "дифференцирующий диагноз" с близкими по смыслу терминами, объясняя, почему в данном случае целесообразно применять именно понятия маргиналистики, и определяя, в каком контексте они используются — в структурном, культурном или личностном.

В-четвертых. По всей видимости, привлечение категорий маргиналистики представляется наиболее адекватным для тех случаев, когда исследователи могут констатировать наличие культурного разрыва, когда один и тот же агент меняет культурную среду своего обитания. В других ситуациях эти категории не могут выступать в качестве ведущих.

И последнее, пятое. При изучении кризисных проявлений социальных трансформаций, необходимо следовать простому методологическому приему: говорить о маргинальных группах можно только в отношении *типологических групп*, выделяемых в ходе исследования по *определенным параметрам*, а не о *реальных социальных группах*, существующих в обществе и взятых в качестве объекта изучения.

Возможно, в противовес традиции сегодняшнего дня, эти приемы помогут сделать практику употребления терминов маргиналистика более определенной и проявят их действительный эвристический потенциал.

2.3. Ответ 2. (Попытка оправдания). О том, почему трудно заниматься социологией, не используя понятие «маргинальность»

Признавая вполне оправданной дискуссионность данного раздела, остается добавить размышления о том, что определяет актуальность и своеобразие понятия маргинальности в отношении нашей действительности. И сделать это в жанре, близком, скорее, к публицистике. Впрочем, стоит вспомнить, что "отец" понятия выдающийся социолог Роберт Парк был сначала журналистом, и возможно, на границе журналистики и социологии была высечена сия загадочная искра, не погасшая до сих пор.

Действительно, хотелось бы понять, почему сейчас трудно обойтись без понятия маргинальности в исследовании, прежде всего, социальной структуры, и шире, трансформационных процессов в современной России. А это признаем, так или иначе, не только мы, небольшой коллектив авторов этой книги. Можно сослаться на целый корпус диссертационных работ (в основном, кандидатских) и массу публикаций 90-х годов, многие из которых приведены здесь в библиографическом списке. Публикаций, поднимающих самые разные темы, в которых слово "маргинальность" звучит в разных аспектах и значениях. Оно предстает, с одной стороны, как некий социальный миф, помечающий наше время, с другой, и все чаще и обоснованней — как вполне приемлемый теоретический инструмент для исследования структурных изменений и явлений. Можно по-разному оценивать эти попытки, но следует задуматься прежде всего над тем, что заставляет исследователей разных регионов и направлений, не сговариваясь, обращаться к этому концепту, как бы заново пересматривая его, дискутируя и признавая незавершенность этих дискуссий, в которых еще никому не удалось поставить общепризнанную точку. Что это за обстоятельства? По-моему, именно здесь ключ ответа на вопрос, почему трудно заниматься социологией, не используя понятие маргинальности.

Словом, не стоит отрицать очевидное, пусть и ссылаясь на вполне уважаемые словари. Концепция маргинальности оказалась на периферии западной социологии, исчерпав в какой-то момент свой эвристический потенциал. Но очевидное состоит в том, что понятие маргинальности востребовано нашим временем в нашей стране.

Итак, почему же это понятие остается актуальным?

¹⁰¹ В качестве примера можно порекомендовать: *Попова И.П.* Маргинальность. Социологический анализ. М.: Союз, 1996.

Определяющим фактором является, конечно, интенсивность социальных изменений, характерных для нашего времени. История термина свидетельствует, что "востребованность" его определяется подобными ситуациями. Наиболее резкие перемены касаются следующих сфер: социально-профессиональной структуры, уровня жизни, ценностных норм. Происходящие в результате этого изменения всех статусных позиций, касающиеся больших групп людей, настолько глубоки и масштабны, что позволяют говорить о кризисной ситуации социокультурного разрыва, некоей границы, преодоление которой означает формирование новых оснований для социальных связей и структур, в конечном итоге, их нового социального качества. Эти изменения, растягиваясь во времени, создают ситуацию промежуточности в неопределенной по длительности перспективе стабилизации. Словом, можно говорить об идеальном типе границы, межи — одного из значений латинского слова "margo". Что оставлено — известно, а как происходит переход, что его сопровождает и что в перспективе? Каковы способы и цена стабилизации и социальной гармонии, и где мера возможности превращения этой межи в границу, отсекающую значительные массы новообращенных социальных аутсайдеров?

Из этого следует другое обстоятельство, которое связано с поиском объясняющей исследовательской модели этих изменений. Возможно, это особенность российской социологии, определяемая потребностью в объединяющей конструкции познания социальной реальности. Для соединения разнообразных "кусков" стремительно изменяющейся социальной реальности — безработных, новых русских, челноков, беженцев и т.д. — в общую картину требуется некая общая основа. Концепция маргинальности в качестве таковой представляется удобным теоретическим инструментом. Не претендуя на познавательную универсальность, она может придать целостность определенному ракурсу, став одним из способов видения стремительных перемен и связанных с ними комплексов сложнейших социальных проблем.

Итак, пережив время подъема и упадка, концепция маргинальности на российской почве "нащупывает" то место в будущих направлениях развития социологии, которое наиболее перспективно для исследования социальной динамики. И здесь приобретает значимость ее гибкость, эластичность, многоаспектность исследовательского взгляда на вполне определенные процессы с разных позиций (в структуралистской, культурологической, ролевой или институциональной и других стратегиях). Привлекательны также возможности сочетания микро- и макроанализа, сосредоточение на микроанализе с целью пристального исследования явлений, возникающих на границе структур под влиянием макрофакторов.

Здесь хотелось бы особенно подчеркнуть важную проблему, которая связана с необходимостью "исторической реконструкции" понятий и идей социологии, возникающей в контексте дискуссий о реконструкции самой социологии¹⁰². Суть проблемы в том, чтобы "вписать" соответствующий концепт в контекст наличествующей социальной реальности адекватно и содержанию понятия, и особенностям и требованиям места и времени. В случае с понятием маргинальности задача усложняется — необходимо переосмыслить и его первоначальную неопределенность и многозначность, и длинный шлейф традиции, и требования современного его функционирования.

Попробуем разобраться в том, что имеет значение для нашей действительности.

Прежде всего, нужно признать, что представляет наибольший интерес понимание маргинальности как явления пограничности, переходности, означающее формирование новых социальных качеств трансформирующейся социальной структуры. Именно это направление обсуждается наиболее интенсивно. Важный момент — отказ от оценочности, априорного негативизма термина, особенно характерного для российской ситуации вследствие его интенсивной эксплуатации как политизированного социального мифа. Негативный или позитивный смысл имеет только социальная направленность маргинальных процессов, их конструктивные или деструктивные последствия.

Исследование маргинальности в данном направлении каждый раз требует уточнения основных критериев. Универсальными можно признать следующие: состояние перехода, определяемого как кризис; невключенность или неполная включенность индивида или группы в стабильно существующие структуры; разрушение прежних социальных норм (или невозможность следовать им), или отсутствие норм, определяющих поведение в новой ситуации.

При этом основной трудностью остается эмпирическая "ускользаемость" этой теоретической категории. Ее операционализация дает известный набор эмпирически верифицируемых конструктов — маргинальная ситуация, маргинальный статус (маргинальная позиция), маргинальная группа, маргинальная личность. На их проблематике фокусируется исследовательская практика.

И последнее. Важная функция понятия состоит в том, что оно определяет проблему, ведущий тип социальных изменений. Поэтому в попытках ограничить его употребление некими рамками нужно учитывать одну важную вещь. Она касается основного социального типа, репрезентирующего маргинальность в данное время и в данном месте. Каждое время перемен уникально и рождает свои типы "маргинального человека". Они очень разные. Это иммигрант, борющийся за свое существование в чужой стране. Это изгой, отброшенный на обочину жизни на своей родине. Это бунтарь, интеллигент-одиночка, восстающий против косных порядков. В нашей стране и в наше время это тип социально и экономически активного человека, потерявшего свое место, положение, статус под влиянием внешних обстоятельств: реформ, кризиса, смены общественного строя. При всем различии этих типов, в них есть общее — существование на пределе, переломе цельности бытия.

¹⁰² См.: А. Комозин. Воздушные замки социологии // Книжное обозрение "Ex-libris НГ". 1999. 23 сентября.

Следовательно, маргинальный человек — воплощение противоречий времени, символ трансформации общественных отношений. Трудно оценить эту конструкцию. С одной стороны, в ней проклятие эпохи перемен, поскольку это типизация наиболее болезненных проблем общества и страданий попавших в "сдвиг времени" людей. Но с другой — это ее надежда, поскольку миссия маргинального человека — творить новые образцы социального поведения и социальной практики, связывая прошлое и будущее.

Итак, понятие маргинальности, как некая общая метка, помечает кризисные времена, эпохи перемен. В этом, возможно, объяснение того, почему сейчас на благополучном западе о концепции маргинальности благополучно забыли. Пришло к нам время вспомнить о ней. Возможно (и дай Бог, поскорее), придет время, когда мы о ней забудем. И будем заниматься социологией, не используя понятие «маргинальность».

2.4. Ответ 3. (Попытка объяснения). Кризис идентичности как способ самоорганизации пространства социального взаимодействия

Как-то приятели попросили меня посидеть один вечер с их четырехлетней дочкой. У меня есть достаточный опыт общения с маленькими детьми, поэтому на ее предложение «Давай поиграем!» я ответил — «Давай».

— Тогда ты будешь папой, а я твоей дочкой.

— Давай! — храбро согласился я.

— Папа, ты будешь Дедом Морозом, а я — Снегурочкой.

— Ладно, — с некоторым удивлением ответил я.

— Дед Мороз, давай, ты будешь Кошечем Бессмертным, а я — Бабой Ягой.

Мне пришлось и с этим согласиться.

Но когда моя сценаристка предложила мне быть Ваней, а ей — Таней, которые пошли в лес, я понял, что мой воспитательный опыт здорово обогатится, при условии, что до прихода приятелей я не сойду с ума.

Так за одну минуту маленькая девочка задала мне четыре совершенно различные роли одновременно, не считая моей основной в тот момент — друга ее родителей. Естественно, я тут же в них запутался, был папой, когда, по ее мнению, должен быть Кошечем. Только я вживался в пламенный образ Кошечя, как оказывался Дедом Морозом. Сложность для моего рассудка заключалась еще в том, что во время пребывания, например, Дедом Морозом, девочка совершенно не обязательно была Снегурочкой, а могла быть кем угодно из тех пяти ролей, которыми ограничилась ее фантазия в этот вечер, и ничуть не запутывалась в них.

Позже я спросил моих друзей, в какие игры они играют со своей дочерью, и выяснил, что в самые обычные: в дочки-матери, куклы, догонялки и др. Когда же я рассказал им о нашей игре, они очень удивились, поскольку ничего подобного у них раньше не было.

Мне стало понятно, что установленные девчужкой странные правила нашей игры явились своеобразной защитной реакцией на ситуацию того вечера, которая для нее была неопределенной и тревожной. Еще бы — остаться на целый вечер одной с чужим, хотя и хорошо знакомым, дядей, с которым она никогда не оставалась прежде один на один. Чтобы избежать неопределенности (не было установленных ранее рамок наших отношений) и тревожности (не известно, чего можно ожидать от дяди), она интуитивно задала предложенными правилами игры еще большую неопределенность. Неопределенность уже для меня. Это позволяло ей лавировать и манипулировать нашим взаимодействием, в определенной степени делало ее свободной.

Приведенный пример показателен, так как позволяет обнаружить целый ряд существенных процессов, происходящих в рамках уже не межличностного, а социального взаимодействия в условиях неопределенности и тревожности.

* * *

То, что в обществе растет напряженность и тревожность, есть факт, не требующий особых доказательств и подтверждаемый любым репрезентативным социологическим опросом. Как объяснить этот процесс? Существует множество равнозначимых объяснительных моделей постсоветского, постперестроечного социокультурного пространства, предлагаемых историками, социологами, философами, экономистами, экологами, физиками, — наверное, невозможно назвать научную дисциплину, которая не предложила бы собственную версию происходящего. Вероятнее всего, наиболее релевантной оказывается парадигма кризиса, в котором оказалось общество и который, соответственно, необходимо преодолеть. Для этого следует точно (а скорее логически непротиворечиво) установить диагноз «нашего кризиса», выписать рецепт и принимать лекарство, строго соответствуя этому рецепту. И дальше все очень просто: либо мы следуем рекомендациям и сценариям, предложенным с позиции какого-либо монизма/детерминизма (экономического, политического, культур-антропологического, военного...), либо общество ввергается в еще больший хаос, а кризис, «во имя» которого концептуализировалась действительность, все более углубляется. И дальше появляется новый, еще более модный рецепт/концепт, учитывающий уже в качестве одного из факторов нереализацию старого.

Признание наличия в обществе кризиса изначально задает ситуацию модернизма, требующую от социальных институтов борьбы за универсальность, однородность, монотонность и ясность, которые однозначно

отождествляются с успешностью¹⁰³. А кризис в России нельзя не признать важной составляющей реальности — реальности модерна. Такой вывод влечет существенные последствия для рефлексивного сознания. Все, что касается постмодернизма, постмодерна, неприменимо и неприемлемо для России. Тем самым вновь утверждается идея исключительности России, то есть углубляется ситуация модернизма. Попутно обратим внимание на интересный парадокс: чем активнее и последовательнее внедряются в нашу реальность западные социально-экономические модели, тем сильнее утверждается и подтверждается исключительность и принципиальная «непостмодерновость» России.

Так ли это? Можно ли понять феномен кризиса не в логике модерна? Положительный ответ на последний вопрос, разворачиваемый в статье, возможен при вписывании ситуации в совершенно иной контекст — контекст личного, личностного проектирования пространства социального взаимодействия. Исходная позиция заключается в том, что нельзя объяснять этап (процесс) воспроизводства кризиса в обществе макросоциальными (культурными, экономическими, политическими и др., то есть надличностными) причинами. На этапе воспроизводства у кризиса нет каузальности, он не есть глубинное следствие системных изменений социума. Кризис порождает сам себя и выступает как необходимый механизм самоорганизации жизнедеятельности и коммуникации людей. Изначально процесс социальной трансформации разрушает или значительно деформирует сложившиеся в обществе ко времени кризиса основные идентичности. В дальнейшем, в условиях тотального разрушения или смешения социокультурных связей, позволяющих обществу быть единым, кризис Эго и социальной идентичности уже не воспринимается ни обществом, ни личностью как трагедия, как нечто аномальное, от чего необходимо как можно скорее избавляться, а становится скорее способом существования, образом и стилем жизни, приобретает значение субстанции, конституирующей пространство социального взаимодействия. Наступает как бы этап привыкания, приспособления, адаптации личности к кризису социальной идентичности. Ибо в условиях кризиса практически любая социокультурная рамка (Э.Гоффман) не обеспечивает гарантий благополучия и успешности. Обнаруживаются существенные преимущества ситуации социальной неопределенности, смешения ролевых и ценностных ожиданий перед положением жесткой включенности в определенные социокультурные ниши и закрепления однозначной идентичности. Осуществляется массовая личностная отстройка на кризис, приводящая к возникновению своеобразного типа кризисной личности, который обеспечивает сохранение и удержание самоидентичности и целостности за счет или с помощью «блуждания» по поверхности социальных отношений без однозначной идентификации с какой-либо социокультурной позицией.

С феноменологической точки зрения, ситуация кризиса групповой и личной идентичности оказывается доминирующей в нашем обществе и задает особую логику социального взаимодействия — тотальную маргинализацию самых разнообразных отношений.

В контексте дискурса модерн совершенно необходимым элементом успешного и благополучного существования личности в обществе оказывается формирующаяся в ходе социализации социокультурная идентичность, обеспечивающая для индивида полноценную включенность и интимную вплетенность в «свои» социокультурные отношения. Однако за последние несколько лет сформировалась совершенно другая социокультурная ситуация, в которой более адекватной и удобной оказывается как бы обратная социокультурной идентичности позиция — позиция кризиса идентичности, а обладание идентичностью не рассматривается однозначно положительно.

Понятие идентичности описывает такое взаимоотношение между индивидом и социокультурной общностью, в котором синтезируется осознание индивидом своей личности (самости) и одновременно принадлежности к этой общности. Идентичность предполагает три составные части. Во-первых, полное самоопределение, установление личностью собственных социальных, культурных и других параметров и признаков. Во-вторых, происходит вычленение из социума других индивидов, носителей подобных признаков и соотнесение этих признаков с собственной самостью. В-третьих, признание индивида «своим» со стороны группы, объединенной общими признаками. «Осознанное чувство обладания личной идентичностью основывается на двух одновременных наблюдениях: восприятию самоидентичности и целостности своего существования во времени и пространстве и восприятию того факта, что другие признают твою тождественность и целостность»¹⁰⁴. Формирование идентичности представляет собой длительный, охватывающий первые два десятилетия жизни процесс, который предполагает в качестве необходимой и существенной части этап кризиса идентичности. На различных этапах жизненного цикла кризис идентичности несет различное значение. 1. На этапе формирования идентичности кризис оказывается необходимым условием и содержанием формирования целостного «Я», в результате которого личность ресинтезирует прежние детские идентификации в устойчивое обладание инвариантной самоидентичностью. 2. В дальнейшем кризис идентичности оказывается реакцией личности на кризисные явления в социальной среде, проявлением перестройки внутреннего содержания и ценностных ориентаций личности в зависимости от глубины трансформации социокультурного пространства. При этом кризис идентичности приобретает добавочное смысловое наполнение, а именно, потерю личностью собственной социокультурной идентификации, независимо от того, сохраняется или нет чувство самоидентичности и целостности. В первом случае кризис идентичности означает «собрание», «составление» идентичности с целью пол-

¹⁰³ Бауман З. Социологическая теория постсовременности // Контексты современности: актуальные проблемы общества и культуры в западной социальной теории. /Хрестоматия, перев. с англ. — Казань: ФортДиалог, 1995. С. 62.

¹⁰⁴ Erikson E. Identity. Youth and Crisis. — N.Y., 1968. p. 50.

ноценного включения в социальные отношения, а во втором — стремление сохранить самоидентичность и целостность перед лицом угрозы со стороны общества.

И в той и в другой ситуации под угрозой оказывается не приобретение или утрата биографического проекта личности¹⁰⁵. Угрожает превращению временной координаты личности в хаотичный набор событий, не обладающих внутренней динамикой, не способной превратиться в творимое личностью будущее, не внешние обстоятельства, не социальный кризис, а Эго, ее внутреннее «Я». В условиях внешнего и внутреннего кризиса перед личностью возникает задача обрести/сохранить возможность самостоятельно и свободно создавать и реализовывать собственный биографический проект, который бы в любых обстоятельствах обеспечивал бы собственную целостность и самоидентификацию. Личность вынуждена так конструировать пространство социального взаимодействия, что оно (это пространство) позволяло ей свободно маневрировать в поле внешнего кризиса. Иными словами, антикризисная программа личности создается таким образом, что постоянно воспроизводит породившие ее условия, то есть условия внешнего кризиса. Личность привыкает жить в кризисе, адаптируется к нему и сама его порождает.

Такая личностно порождающая координата социальных кризисов неочевидна, особенно в достаточно стабильные времена, и обычно обнаруживается в существовании различных форм молодежных суб- и контркультур и имеет характер локального действия. В эпоху перемен, особенно, когда трансформации затрагивают глубинные смыслополагающие универсалии, конституирующие общество в единое целое, то есть культуру, кризисная модель социокультурного поведения становится массовой и обнаруживает себя в механизмах маргинализации общества, в масштабной утрате социальной (но не личностной) составляющей идентичности.

* * *

Рассмотрим принципы конструирования пространства социального взаимодействия, с точки зрения личности, находящейся в ситуации «собираения», становления идентичности, выработки способов включения и приобщения к социокультурной среде, с точки зрения молодежи. При этом сделаем допущение, что внешний, заданный факторами социальной среды, кризис отсутствует.

Молодежь в качестве социокультурного субъекта оказывается в типично маргинальной ситуации, которая определяется кризисом на этапе становления идентичности.

Биологическая маргинальность связана с изменением параметров и физических возможностей тела в подростковом возрасте. Половое созревание, гиперсексуальность, повышенная эмоциональность вызывают появление новых желаний, потребностей и, соответственно, принятия новых поведенческих стандартов. При этом происходит процесс утраты и нового обретения параметров собственной физической целостности. В этот период тело непрерывно проверяется на полноценность, сопоставляется то, что было раньше с тем, что есть теперь, сравнивается с возможностями других. «Я» есть мое тело, я постигаю себя в параметрах тела, проверяю собственные телесные возможности. Именно поэтому подростковый возраст обнаруживает повышенный интерес именно к физической стороне человеческого существования (сексу, физическим возможностям, внешности, силе, боли, умению ее претерпевать, пространственному расположению тела, по принципу, чем больше я займу пространства, тем лучше). Неспособность личности идентифицировать себя со своим телом имеет глубокие социальные последствия, которые связаны с частичной или полной потерей контроля над возникшими новыми потребностями и способами их удовлетворения. Кризис ставит под сомнение как способность собственного «Я» властвовать над телом и собственными желаниями, так и систему ценностей, которой человек следовал ранее.

Социальная маргинальность связана с неопределенным статусом молодежи в обществе. Неполнота социального признания обнаруживается не только в правовом ограничении, а в отсутствии у молодых людей многих существенных социальных признаков: профессии, собственной семьи, своего жилья, авторитета среди взрослых и как результат, собственной социальной ниши. Маргинальный комплекс обнаруживается, во-первых, в осознании собственной малозначимости, то есть социальной неполноценности, во-вторых, в необходимости себя определять через значимых других. «Я» есть «Мы». Идет поиск тех, кто есть «Мы», а в соответствии с этим отграничение «своих» и «чужих».

Культурная маргинальность находит свое выражение в многообразных формах молодежной субкультуры. Механизмы социализации таковы, что традиционная, общепризнанная культура (культура отцов), в основе которой лежит система ценностей и верований, придающих смысл существованию, неоднозначно и сложно интериоризируется, что приводит к появлению определенного «лага» между общепринятой и формирующейся личностной системами ценностей. Происходит обретение личностью собственных смыслов и ценностей, что означает резкое обособление собственного «Я», понимаемого уже в глубинном, смысловом значении. Создается своя неповторимая система ценностей, возникает благодаря ощущению собственной уникальности и неповторимости новый культурный субъект, новая развитая личность. Внутри каждого отдельного молодого человека происходит столкновение ценностей, диалог культур в рамках определенной культурной традиции. Личность как нечто совершённое становится местом встречи, корректировки, адаптации того культурного много-

¹⁰⁵ *Ионин Л.Г.* Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений). // Социологические исследования. 1995. № 4. С. 3-14.

образия, которое составляет единое культурное пространство. Культурная маргинальность фиксирует момент перехода от неставшей личности, существующей пока в чужой для нее культуре, к ставшей личности, сформировавшей собственную систему ценностей. Вновь возникает цепочка «Я»-«Мы»-«Не Мы», в основе которой лежит идентификация со значимыми культурными признаками, а личность выступает в качестве полноправного культурного субъекта.

Кризис идентичности связан с изменением в подростковом возрасте отношения к протеканию времени, сменой характера и качества памяти¹⁰⁶. Самоидентичность личности невозможна без равноправного существования ее во всех трех временных измерениях — прошлом, настоящем, будущем. Детский возраст имеет особое отношение ко времени, которое для него всегда актуально и существует как бы только в настоящем. События не располагаются на шкале времени. Они существуют всегда сейчас, именно тогда, когда они происходят или когда о них думают. Дети долгое время не умеют соотносить событие с временным измерением. Идентичность предполагает не только наличие способности соотносить событие со временем, а также обладает определенным отношением к генетическим, культурным, нравственным основам существования. Именно в подростковом возрасте возникает отношение к прошлому как к исторической памяти, формируется индивидуальная биография индивида и собственное отношение к прошлому и к будущему как к ценности. Идет как бы растекание самого времени, его становится все больше, поэтому возникает проблема его структурировать и освоить. Вырабатываются и рефлексированы биографически значимые порождающие принципы, имеющие решающее значение для последующей судьбы человека¹⁰⁷. Кризис идентичности обнаруживается в переходе от «до-исторического» периода существования личности к «историческому», к существованию во времени. Обретается ориентация во времени в контексте собственной биографии, что неизбежно ведет к решительному выбору жизненных целей и путей их достижения.

Источником кризиса идентичности оказывается осознание временной природы человека, его смертности. Процесс самоопределения по отношению к собственной смерти имеет результатом выработку жизненной стратегии. Как преодолеть или как жить с такой тяжелой ношей — знанием о неизбежности собственной смерти? Можно отрицать смерть через отрицание жизни, и тогда биографический проект рассматривается как путь к самоубийству. Можно полюбить жизнь и искать наслаждение в каждый момент своего временного существования. Еще один возможный вариант развития — религия, которая помогает выработать отношение к смерти, определить жизнь через смерть или смерть через жизнь. Во всех случаях выбор способа включения знания о смерти в жизнедеятельность личности сопровождается глубокими внутренними переживаниями и экзистенциальными состояниями.

Кризис идентичности в среде молодежи обнаруживается в осознании несоответствия собственного поведения с принятыми в обществе поведенческими нормами и стандартами. «Я не вписываюсь в норму» — тема размышлений, весьма актуальная для молодых людей. Следующий шаг в углублении кризиса идентичности связан с рефлексией о правомерности и законности преобладающих в обществе норм и ценностей. Каждый осуществляет переоценку имеющегося культурного, нравственного общественного потенциала, с точки зрения применимости его к самому себе. В ситуации, когда индивидуальная, личностная переоценка совпадает с переоценкой ценностей и норм со стороны самого общества, то может сформироваться убеждение, что вообще не существует никаких ценностей и норм, поведенческих предписаний. Такое положение непосредственно ведет к аномии.

Кризис идентичности порождается дисгармонией между собственным представлением о целостности «Я» и растасканным по различным социальным ролям, разорванным социальным «Я». В этот период характерно обостренное ощущение отчужденности от мира, разорванности, забытости, заброшенности.

Такая личностная ситуация, которая может быть понята как этап кризиса самоидентичности в период ее становления, в масштабе социальной группы приводит к существованию устойчивого социокультурного поля — маргинальной молодежной культуры, которая оказывается постоянным вызовом доминирующей культуре (культуре отцов). Опыт нашего столетия достаточно и однозначно продемонстрировал, что основные «напряжения», направленные на изменение социальных норм, исходят от многочисленных форм молодежной субкультуры. Именно в молодежной среде границы дозволенного и недозволенного пробуются на прочность и «непрозрачность».

Итак, кризис становящейся самоидентичности порождает и воспроизводит особое социокультурное пространство — маргинальную культуру — которое, если рассматривать его статически, обеспечивает идентичность и целостность доминирующей культуре, постоянно поставляя себя ей в качестве противоположности. А если на эту же ситуацию посмотреть как на динамический процесс, то комплекс маргинальности обнаруживает интенциональность в сторону обретения и жесткого закрепления традиционных для доминирующей культуры идентификаций, в рамках которых затем преодолевается маргинальность и еще одно поколение перестает быть «поколением бунтарей».

* * *

¹⁰⁶ Рассматривая параметры идентичности и их кризис в молодежном возрасте, я использую анализ В.Хёсле в статье «Кризис индивидуальной и коллективной идентичности» (Вопросы философии. 1994. № 10. С. 112-124.).

¹⁰⁷ Giddens A. Modernity and Self-Identy. Stanford, 1991.

Обратимся теперь к выявлению механизмов воспроизводства пространства социокультурного взаимодействия в ситуации кризиса идентичности, понимаемого как утрату уже имевшихся идентификаций.

Уникальность постсоветского социокультурного пространства, сформировавшегося примерно последние десять лет, заключается в глубокой массовой дезориентации, утрате целостности общества, его самосознания и самоопределения, тотальном кризисе идентичности на различных уровнях социальной организации. Сначала перестали работать, а затем исчезли традиционные для советской действительности символические культурные коды, не стали обеспечивать комфортность и адаптивность личности многие, ранее укорененные в повседневность, профессиональные, культурные, экономические и другие «ниши» и соответствующие им идентификации. За время различных социально-экономических, политических, культурно-духовных кампаний и экспериментов (ускорение, перестройка, гласность, «курс на реформы», обмен денег, реформы, строительство правового государства, приобщение к ценностям Запада, возвращение к истокам и реанимация концепта мессианства России, идея единой и неделимой России и соответствующие гражданские и межнациональные войны, политический и культурный плюрализм) возникало множество все новых и новых возможностей у личности обрести устойчивую идентичность, включиться в «свое» социокультурное поле. Но все эти возможности разбивались о текучесть, абсолютную неустойчивость и ненадежность социальных связей. Новые идентичности в таких условиях не только не обеспечивали личности целостности, комфорта, благополучия, полноценности социальной жизни, а даже, наоборот, все более закрепляли комплекс социальной неполноценности, усиливая кризис идентичности.

Удивительно, но социальные и профессиональные позиции, которые в настоящих условиях обеспечивают устойчивую идентичность, по своему основанию являются маргинальными, то есть располагающимися на границах принятых норм: с одной стороны — это бизнес с полукриминальным оттенком и когорта «професий» при нем, а с другой стороны — это действительно маргинальные слои общества — нищие, продолжающие до сих пор работать в государственном секторе бюджетники, представители творческих профессий. Всех их объединяет одно — жесткая включенность в единственный социокультурный контекст, который обеспечивает (или не обеспечивает, в нашем случае — это все равно) полноценность их существования, аутентичного внутреннего самоопределению.

Личность вынуждена приспосабливаться к ситуации социальной нестабильности, неустойчивости и быстротечности изменения социокультурного пространства. В таких условиях наиболее успешной оказывается позиция принципиальной невключаемости личности в какой-либо один социальный контекст, скольжения по поверхности социального, скорее ускользания, лавирования среди предлагаемых обстоятельствами социокультурных ниш. Идет постоянная борьба — игра между личностью и пластичными, утекающими, нестабильными социальными отношениями. Борьба за престиж, за более высокий статус, за сохранение и удержание уже имеющейся социальной позиции. Неудачи в этой борьбе стимулируют поиски возможной самореализации в других сферах общественной жизни. «Все это требует развития способностей к социальной мимикрии, обретению того облика, который был бы наиболее желателен и эффективен в данной ситуации»¹⁰⁸.

Фактически мы обнаруживаем новый способ конструирования пространства социального взаимодействия, в котором личность может чувствовать себя свободной. Свободной от обязательств, от глубоких привязанностей, от единственного социокультурного контекста, не способного ей обеспечить полноценных условий существования и стабильной идентичности. Свобода эта вынужденная, необходимая личности для манипулирования такой социальной реальностью, позволяющая пребывать вне идентичности или сразу в нескольких идентичностях. Приспособление к кризису ведет к закреплению и удержанию кризисной ситуации. Личность в процессе взаимодействия с социальной средой стремится воспроизводить именно те условия, к которым она привыкла и адаптировалась. Формируется кризисный тип личности, идентифицирующий себя с маргиналом. Маргинальность, как это ни парадоксально, оказывается устойчивой идентичностью, наиболее удобной социальной позицией. А любая другая идентичность становится лишь инсценировкой¹⁰⁹, способом социальной мимикрии и манипулирования.

Игра между личностью и обществом, идущая по правилам «кто кого обманет», всегда заканчивается одним — массовой маргинализацией и возникновением в массовом масштабе маргинальной культуры. Только кто побеждает в этой игре? По крайней мере, перевод проблемы из плоскости структурно-функциональной в феноменологический контекст придает больше оптимизма исследователю, тем более, что маргинал отличается от не маргинала избыточным самосознанием как минимум с двух социокультурных позиций¹¹⁰.

* * *

¹⁰⁸ Кравченко Е.И. Социологическая концепция Э.Гоффмана // Современная американская социология / Под ред. В.И. Добренкова. М.: Изд-во МГУ, 1994. С. 158.

¹⁰⁹ Ионин Л.Г. Идентификация и инсценировка (к теории социокультурных изменений) // Социологические исследования. 1995. № 4. С. 3-14.

¹¹⁰ Stonequist E.V. The marginal man. A study in personality a culture conflict. N.Y., 1961.

Через некоторое время мне опять пришлось провести вечер с дочкой приятелей. Мы с ней читали книжки, играли в прятки, укладывали ее кукол спать. Все было четко и ясно, никаких сложных ролевых игр, никакой неопределенности.